

Н.Е. ПОКРОВСКИЙ

СТРУКТУРА УЧЕБНЫХ КУРСОВ ПО ОБЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ: СТАНДАРТЫ И ВАРИАНТЫ

Все науки лучше социологии, но прекраснее нет ни одной. Эти слова Аристотеля, сказанные им о древней философии, вполне соотносимы и с современной социологией. Действительно, в большинстве случаев социология не приносит своим служителям ни славы, ни почета, ни благополучия, но она дарит им нечто иное — веру в себя. Общество — мир, в котором мы живем, — раскрывает свою неоднозначность и, вместе с тем, известную внутреннюю предопределенность, в первую очередь, именно перед социологами. А там, где есть видение предмета в его множественных смысловых перспективах, там подчас наступает момент истины, пусть даже и частичной. Но и этого оказывается достаточным для того, чтобы укрепиться в своем выборе профессии и науки.

Отличить социолога от ныне многочисленных и самопровозглашенных *не-социологов* не столь уж и сложно. Социолог (независимо от первоначального образования) — это тот, кто признает бесконечную сложность общества на всех его уровнях и во всех его проявлениях и, как следствие, невозможность объяснять и решать социальные проблемы в виде шахматной задачи «двухходовки». При этом социолог доказывает, что ни одно социальное действие не затухает бесследно, но, напротив, его последствия концентрическими окружностями расходятся по всем азимутам. В этом смысле, «коснувшись цветка, ты потревожишь и звезду». Именно так. И, наконец, социолог не льнет к власти и начальству, как бы странно это ни звучало. Ему нужна свобода научных суждений и объективность диагноза. В противном случае это может быть что угодно, но не социология.

Развитие социологического образования в России 90-х годов ушедшего века (это развитие, естественно, продолжается и ныне) представляло и представляет собой интереснейший процесс. Это было и есть нечто большее, чем сугубо образовательный «момент», связанный с внедрением относительно новой образовательной дисциплины в достаточно крупных масштабах. Речь идет о принципиально ином, а именно о формировании огромного интеллектуального массива, непосредственно связанного не только с транзитивным видоизменением восприятия мира российским интеллектуальным сообществом в целом, но и о включении (через социологию) новых факторов общественного преобразования. В силу своего особого научно-фундаментального и,

Покровский Никита Евгеньевич — доктор философских наук, профессор, ведущий кафедрой общей социологии Государственного университета — Высшей школы экономики. Адрес: 125319 Москва, Кочновский проезд, 3. Телефон: (095) 152-03-31. Электронная почта: nikita@theo.soc.msu.ru
Публикация подготовлена на основе доклада, прочитанного на Международной конференции «Национальные ориентиры и мировой опыт в области преподавания социально-экономических дисциплин в высшей школе», Национальный фонд подготовки кадров, декабрь 2000 г.

вместе с тем, прикладного характера социология более чем другие социальные дисциплины, не говоря уже о чисто гуманитарных, привязана к этой преобразующей функции. Именно социология способствует, по меткому определению П. Бергера и Т. Лукмана, «конструированию социальной реальности». Совершенно очевидно, что социология осуществляет концентрированное продвижение вперед нашего комплексного понимания социального мира и тем самым создает этот мир в его различных формах и вариантах, показывает новые логические «связки», обладающие устойчивостью и повторяемостью. Эта конструирующая функция социологии обычно не столь очевидна для тех, кто непосредственно не занимается нашей наукой («как это можно создавать нечто из ничего?»). Но факт остается фактом. В той или иной мере, так или иначе, социология сопричастна активному конструированию реальности.

Десятилетие бурного развития социологии в России существенно видоизменило и наше представление о самой социологии. Речь идет не только о некоем одностороннем векторе отношений: «мы» постигаем социологию, созданную *до* нас и *помимо* нас (хотя и это имело и имеет место). Видимо, можно говорить и о том, что дисциплинарные рамки социологии, да, впрочем, и ее внутреннее содержание на «выходе» упомянутого десятилетия несколько иные по сравнению с этими же параметрами на «входе» в десятилетие. Социология меняется на глазах, приобретая в чем-то иные очертания. Поэтому не удивительно, что довольно часто наши зарубежные коллеги (не взирая на нашу несколько кислую реакцию) восхищенно говорят о том, что нам в России выпало великое счастье жить в эпоху перемен, когда все меняется с калейдоскопической скоростью. Но ровно с такой же скоростью, добавим мы от себя, меняются и наши социологические представления об обществе, в котором мы живем. Более того, в течение последних десяти лет постоянно меняется и внутренняя саморефлексия российского социологического сообщества: мнения о том, что такое социология, чем могут и должны заниматься социологи и каково их место в более широком контексте общественной жизни.

Более чем когда-либо и где-либо процесс экспансии социологического образования приобрел у нас очертания масштабного явления, заслуживающего самого пристального внимания. Поэтому дискуссия о преподавании социологии видится, прежде всего, не только как обсуждение технологий преподавания и «поддержания на плаву» системы социологического образования в ее целом и ее частях, но и как попытка осмыслить некие новые параметры и функции «социологического процесса».

Конец 80-х — начало 90-х годов войдут в историю российской социологии как эпоха Больших Ожиданий. В одночасье было подорвано доверие к марксистским схемам, десятилетиями определявшим развитие общественности в Советском Союзе. На руинах марксистских идеологизированных дисциплин стала стремительно возрастать социология, которая, по логике развития событий, была призвана заполнить образовавшийся вакуум в структурах обществоведческого преподавания, а также в исследовательских стратегиях. Именно тогда и возникло Большое Ожидание в отношении будущего российской социологии. Суть его состояла в том, что немногочисленные тогда профессиональные социологи, прошедшие закалку советскими време-

нами, и более широкие круги обществоведов надеялись на то, что объективно возникшая потребность в социологии решительно и необратимо объединит российское социологическое «поле» с международным и сделает российских социологов (в том числе и преподавателей социологии) частью мирового академического сообщества. Поначалу события, казалось, именно так и развивались. По всей стране стало стремительно множиться число социологических кафедр и факультетов, профессиональных социологических ассоциаций, журналов, издательств и пр. Социология стала не только весьма распространенной, но и модной. Последнее означало то, что многие государственные, политические и экономические организации и институты (например, банки и промышленные группы) стали считать необходимым иметь свои собственные социологические подразделения. Социологические данные (правда, весьма специфически препарированные) зазвучали по телевидению и в других средствах массовой информации. Социология стала непременной частью многочисленных кадровой работы, избирательных кампаний, маркетинговых исследований, программ PR и рекламы.

На всех «этажах» социальной структуры российской социологи, казалось, шла бурная интеграция со структурами западной социологии. Стремительно росло число обменов студентами, стажерами, преподавателями. Множилось число переводной литературы, издававшейся российскими издательствами. Возникли центры социологического образования, поддерживаемые либо зарубежными научными фондами, либо конкретными западными университетами, либо теми и другими вместе. Нарастали потоки обмена социологической информацией. Российские социологи активно устремились за рубеж для участия в международных конференциях и совместных исследованиях, а также преподавания в западных университетах. В обратном направлении ехали видные западные профессора социологии, которых с распростертыми объятиями принимали, как могли, на кафедрах и факультетах социологии. Практически каждая кафедра социологии в российском университете породнилась с кафедрой социологии западного университета. Для всех этих форм деятельности в общем и целом находилось финансовое обеспечение.

Все складывалось как нельзя удачно. Однако данный процесс, обозначивший себя на рубеже 80-х — 90-х годов и особенно развившийся в середине 90-х годов, обладал своей внутренней логикой, далеко не всегда совпадавшей с Большим Ожиданием. В чем же возникли эти несовпадения и обманутые надежды? Прежде всего, экстенсивная экспансия социологии на «территории» российского интеллектуального сообщества оказалась отнюдь не столь линейной, как это первоначально предполагалось. *С одной стороны*, далеко не все российские социологи, группы социологов и социологические центры захотели и по объективным обстоятельствам смогли легко и безболезненно влиться в систему международной социологии. Для этого, как минимум, требовались внутренний динамизм и дисциплина, умение энергично осваивать большие массивы *новой* информации и *новой* научной литературы, адаптироваться к *новым* методам преподавания и управления социологическими организациями, ранее доступные в России лишь немногим. Не следует упускать из виду и такую сугубо «техническую» проблему как роковой барьер активного знания (скорее незнания) иностранных языков —

своеобразная каинова печать, тяготеющая и до сих пор над всеми попытками прорубить большое окно в социологическую Европу и Америку. (Отсюда и затрудненность полноценного общения с коллегами на Западе, боязнь Интернет и другие негативные последствия, включая нередкие элементы ксенофобии в российской науке.)

С другой стороны, и западные социологи в своем большинстве, как мне видится, пребывали в плену утопических иллюзий, полагая, что реформирование российской социологии возможно чуть ли не *over night* (впрочем, эта иллюзия была свойственна практически всем нашим западным контрапартнерам и в других сферах сотрудничества). Западные социологи недооценили сложность и «многослойность» российского интеллектуального сообщества, обладающего не только прогрессистским, но и ретроградным вектором. Причем последний подчас обладал и обладает весьма большим потенциалом. Оставались без специального внимания со стороны наших западных партнеров и культурные различия («матрицы»), присущие российскому обществу, в частности, своеобразные дистанции между столицами и периферией. Причем и в той, и в другой локализациях «химические реакции» в области интеллектуального труда по объективным обстоятельствам протекают с различной интенсивностью и даже по нескольким отличным схемам. (Хотя и здесь не все так однозначно, о чем речь ниже.)

В итоге 90-х годов сформировалась весьма запутанная, но и столь же интересная картина, сама по себе заслуживающая пристального исследовательского внимания. Великое Ожидание оправдалось лишь частично. На «выходе» обнаружил себя весьма своеобразный исторический «продукт». Соотношение мыслимого (воображаемого) и сущего (реального) в развитии социологии в России 90-х годов схематично можно было бы представить следующим образом:

Экстенсивный линейный рост всех параметров социальных структур социологии в России 90-х годов (прежде всего образовательных структур и прикладных программ, а также социологических инфраструктур). Социологии «много» и «везде», что становится сильнейшим аргументом в пользу не критически оптимистической оценки происходящего в данной профессиональной сфере.

Единое поле российской и международной социологии, соответствующее общему глобализационному процессу, на сегодняшний день не сложилось, а глубинная смысловая интеграция в этой области носит довольно фрагментированный характер. Более того, в конце 90-х годов все явственнее проявляется возвратная тенденция, а именно стремление больших групп социологов, представляющих социологические центры (прежде всего образовательные), создать свою «российскую» социологию, опирающуюся на «свою традицию» и т.д.

Общая атомизация или фрагментация социологического поля в России (несмотря на внешние признаки консолидации, например, первый Российский конгресс социологии 2000 года). По сути, каждый центр ведет свою линию и реализует свое понимание социологического образования, как, впрочем, и самой социологии. Это выражается в отсутствии единых или даже близких учебных программ и учебных планов, в наличии на рынке учебной литературы массы несопоставимых по базовым принципам учебников

социологии, в нежелании активно поддерживать общенациональные социологические ассоциации и т.п.

Социологическая культура в российском интеллектуальном сообществе формируется крайне медленно, что контрастирует с повсеместным присутствием социологии в ее различных номинальных ипостасях. Даже люди, профессионально занимающиеся социологией, нередко видят в ней некую туманную дисциплину, «обсуждающую» общество. В таком случае практически любое суждение об обществе (тем более глубокомысленное) воспринимается как «социологическое». Подобная *парасоциология*, подчас включающая в себя совершенно ненаучные компоненты (скажем, религиозно-идеологические), замещает или, скорее, вытесняет еще не оперившуюся научную социологию. Это еще больше отдаляет российское социологическое сообщество от мирового.

На этом фоне в российской социологии возник такой весьма опасный феномен, как бонапартизм. Каждое, сколь угодно малое звено в социологической структуре (кафедра, факультет или отдельный социолог) считает возможным устанавливать свои стандарты социологического образования (хотя формально, быть может, и делаются реверансы в сторону утвержденных минобразовских стандартов). Бонапартизм в данном контексте означает позицию «*я так вижу, и все*». Объективно на социологическом поле возникло жестокое столкновение нескольких факторов: (а) тенденции плюрализации; (б) отсутствие глубокой социологической культуры; (в) невыраженность профессиональной корпоративности. Как правило, бонапартизм в социологии обосновывает игнорирование требований международной социологии и уход в «своеобычность». (Значительно реже можно столкнуться с бонапартизмом в виде сектантского западничества, когда тот или иной специалист, прошедший огранку на Западе, нарочито и с сектантской испульностью противопоставляет себя «неразвитому» окружению.)

Указанные процессы, возможно, имеют естественный и переходный характер (но, возможно, и нет). Но в любом случае они требуют аналитической оценки и последующей терапии. Исходной позицией для осуществления терапевтических мер можно считать, прежде всего, установление смысловых стандартов в трактовке социологии и, соответственно, социологического образования.

Вопрос о министерских стандартах в социологическом образовании превратился в некий мистический фантом нашего профессионального сообщества. Эти стандарты в их старых, новых и даже еще не родившихся вариантах априорно ругают все, кроме тех, кто их написал и одобрил. Обсуждение стандарта стало наиболее излюбленной темой дискуссий на любом собрании социологов вне зависимости от первоначальной темы. (Насколько я знаю, ни в одной другой стране с развитым социологическим образованием такого не наблюдается.)

Причина столь болезненного внимания к нашему госстандарту по социологии видится мне в том, что при отсутствии длительных традиций в преподавании социологии и единых для всего научного сообщества представлений о том, что такое социология (а также высокоразвитой социологической культуры) образовательные подразделения стремятся во что бы то ни стало опереться на *формальный стандарт* (в данном случае министерский),

не имея при этом внутренних нормативных рамок и ценностных ориентаций. Здесь и возникают различные точки бифуркаций и турбулентности.

Сколь бы ни трудились эксперты-социологи, составляющие этот стандарт, он всегда будет вызывать обструкцию. Не секрет, что административная власть министерства не столь велика, чтобы огнем и мечом навязать его сотням центров социологического образования самого различного калибра. И я надеюсь, что министерство благоразумно никогда не вступит на тропу войны, совершенно бесперспективной в современных условиях. Ситуация требует иного подхода.

Именно профессиональное социологическое сообщество, как в лице его организаций, так и в самом широком плане может и должно согласовать общие смысловые принципы преподавания социологии и сделать их, если угодно, «мягким стандартом», то есть формально не обязательным, но проводящим границу между профессиональной социологией, с одной стороны, и любыми формами *парасоциологии*, с другой. Увы, без того чтобы конструктивно размежеваться, нам никогда не соединиться. Таков вынужденный итог именно *экстенсивного* развития социологии в России. И этим принципом (надеюсь!) мирного размежевания должен стать предлагаемый «мягкий стандарт» в преподавании социологии.

Предлагаемая схема состоит всего из двух компонентов. Во-первых, признание принципа социологического мышления (или воображения), согласно которому социолог должен мыслить в категориях устойчивых по своей структуре и повторяющихся явлений. В приземленной практике преподавания это означает постоянное тестирование обучающимися любых явлений социальной реальности в ходе ответа на вопросы: *что* происходит? (выделение факта); *как часто* это происходит? (повторяемость); *как* это происходит? (механизм осуществления функции); *кому* это нужно? (мобилизованные интересы и группы); *что произойдет* в будущем? (развитие тенденции). Эти «детские» вопросы (кстати сказать, на них быстро отвечают именно старшие школьники в ходе довузовских форм социологического образования) обладают большой селективной силой. Для многих «взрослых» социологов неведомы такие, по видимости, простые, постановки социологического анализа. Это есть не что иное, как активизация социологического воображения (по Ч.Р. Миллсу) и, соответственно, формирование социологического мышления и социологической культуры.

Во-вторых, принятие согласованной схемы социологических категорий, выработанных в ходе двухвекового развития этой науки во всех странах и усилиями всех сообществ. Это не есть жесткое требование мыслить социологически исключительно по этой схеме. Напротив, преподавание может идти с использованием иных ориентаций, учитывающих индивидуальный профиль конкретного учебного центра. Но в любом случае все преподаватели и учащиеся должны проходить через эту схему, а если и отказываться от нее, то сознательно и убежденно, а не огульно. Даже отрицание этой схемы, как представляется, должно стать единым языковым полем для общения внутри российского социологического сообщества и, тем более, общения российских социологов с их зарубежными коллегами.

Предлагаемая схема такова.

Концептуальная структура современной социологии	Семья
Социология как наука	Образование
Методы социологических исследований	Здравоохранение
Культура	Экономическая жизнь
Теории общества и социальная структура	Религия и церковь
Социализация	Политика
Социальные взаимодействия	Наука, технологии и общество
Социальные группы и организации	Экология и общество
Отклоняющееся поведение	Народонаселение
Социальная стратификация	Урбанизация
Расовое и этническое неравенство	Коллективное поведение
Неравенство полов и возрастных групп	Социальные движения
	Социальные изменения, модернизация и глобализация

Представленная общесоциологическая схема легко выделяется в хорошо известных нам учебниках А. Гидденса, Н. Смелзера, В.В. Радаева, С.С. Фролова, О.И. Шкаратана, В.А. Ядова и др. Присутствует она и в подавляющем большинстве англоязычных учебников. Каждый из указанных концептуальных блоков «разворачивается» на 10-15 конкретных понятий, теорий, принципиальных первоисточников. Внутри этих «блоков» ничто не ограничивает полет преподавательского творчества, как угодно широко и глубоко трактующего те или иные феномены социальной реальности и дисциплинарной специфики. Здесь может и должна проявиться индивидуальность профессора или автора учебника. Причем ничто не ограничивает проявление этой индивидуальности. Но общая логика построения социологического дискурса должна быть согласованной в российском и международном социологическом сообществах и опирающейся *на единый концептуальный язык*. В противном случае мы всегда останемся разделенными, всегда выясняющими вопрос, как преподавать социологию, всегда обсуждающими формальный стандарт при отсутствии профессиональных смысловых норм внутри нас самих. Эти, казалось бы, достаточно элементарные идеи разделяются далеко не всеми. Мне представляется, что авторы программ по социологии, разрабатываемых при поддержке Национального фонда подготовки кадров, должны сделать все возможное, дабы попытаться установить этот «мягкий стандарт» в сфере своей ответственности.